



Встречи для вас

Сегодня заканчиваются гастроли Московского Художественного театра в Таллине.

Сегодня в последний раз на сцену театра «Эстония» выйдут герои мольеровского «Тартюфа» в исполнении мхатовских артистов.

Накануне наш корреспондент ЭТЭРИ КЕ-КЕЛИДЗЕ взяла интервью у народного артиста РСФСР АЛЕКСАНДРА КАЛЯГИНА.

ЖАЖДА И РАДОСТЬ РАБОТЫ

— Немосквичи МХАТ видят редко. В лучшем случае он когда-нибудь придет на гастроли, как сейчас в Таллин, или, бывая в Москве, сумеешь посмотреть какие-нибудь спектакли. Поэтому и вас мы в первую очередь знаем как киноактера. Отсюда и такой вопрос: ваши работы в кино и в театре составляют одну актерскую биографию или все-таки их две?

— Смотря с какой точки зрения. С точки зрения репутации, с точки зрения фамилии в титрах и программах мне не все равно, где я играю. С точки зрения актерской биографии, бедной или богатой ролями, — мне тоже это не все равно. Корректирование может идти по-разному. Вот, например, в театре я роль такого плана не пробовал, а в кино мне ее предлагают. Вот в этом смысле для меня одно и то же, где сыграть, в кино или театре. В плане моего актерства все равно, такая моя профессия — актер.

Конечно же, как актер я должен сам себе помогать. Потому что никто другой мне не поможет. Можно надеяться на подсказку самых близких людей, но и им все не объяснишь.

Если раньше я в кино, да и на телевидении, полиглотничал, не гнушался никакой работы, играл разные роли, в разных пьесах, разного качества и содержания, из разных эпох, то не потому, что хотел вырваться, а потому, что понимал — выход в работе.

Была жажда и радость работы. Набирался опыта именно в кино, театр первоначально мне столько работы не давал.

Но и кино не давало таких больших ролей, какие я имею сейчас. Я просто надеялся, что мне повезет, был уверен, что надо всегда быть в форме, быть готовым, ибо когда уже повезет, готовиться будет некогда.

И мне действительно повезло, и к этому моменту я не задавал на съемочной площадке глупых вопросов.

А со временем я стал щепетильным в выборе роли, щепетил и сейчас, и это не чистоплюйство. Всегда выходит себе дороже играть в плохих картинах. Бог меня уберет, и я счастлив, что я в таких фильмах не снимался, хотя прельщали интересными поездками — в Америку, Францию, Англию.

Иногда отказываешься сниматься потому, что роль подобного плана уже играл. Спрашивают: «Как? Где?»

— В театре, — отвечаю. — Так в кино-то ты такого не играл!

Это для режиссера все равно, а для меня не все равно. Правда, согласие еще зависит и от умения режиссера убедить тебя своим решением роли.

Но за свою судьбу отвечаешь ты сам.

— Ваши работы в фильмах Никиты Михалкова —

тема для отдельного разговора, но все-таки, пожалуйста, несколько слов о них.

— Никита Михалков человек очень одаренный, талантливый. Я не устаю говорить о его педагогическом даре. Талантливый режиссер — это много. Но когда талантливый режиссер обладает талантом педагога, умением расковать актера — это богатство, такой режиссер ценен вдвойне.

Все актеры, снимающиеся в кино, говорят, что кино эксплуатирует найденное в театре. И они правы, почти всегда так и бывает, в этом смысле кино мало что дает актеру. Школы, методологически нового дает мало. Никита Михалков умеет дать актеру новое, раскрыть его с неизвестной стороны.

Я сам педагог, знаю, как тяжело работать со студентами. А с актером, который заштампован, со своими привычками, — трудно вдвойне. Содрать кору привычек, сделать его игру сутью — это может только педагог.

Поэтому актеры так любят сниматься у Никиты Михалкова.

— Сейчас в театре вы играете Тригорина в «Чайке», Федю Протасова в «Живом труп», Владимира Ильича Ленина в «Так победим». Все эти работы последних трех лет. Как вдруг все так сошлось?

— Сошлось, да. Как ни странно, после Лени Шиндина из пьесы Александра Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся», сыгранного в 1979 году. К тому времени у меня была известность в кино, в театре — меньше, как будто одно к другому добавлялось. Сошлось же благодаря Олегу Николаевичу Ефремову. Он сам прекрасный актер, режиссер, не против, чтобы его артисты снимались. Он и видит сам, и слышит, как сыграл тот или иной актер, хорошо или плохо. Это тоже корректирует работу.

Вот так я и сыграл Леню Шиндина. Роль была сделана трагикомически, с выходом на трагическую ноту, решена не однопланово, а в разных ключах. Это давало возможность и мне выступить в новом качестве. К этому времени многое было пережито, передумано, пережито, многое накопилось — и выразилось через роль Лени Шиндина.

Так и сошлось. — Почти все актеры, с кем

доводилось говорить, клянутся в любви к импровизации на сцене. А спектаклей, где роли бы импровизировались, мало, да почти и нет.

— Ох, импровизация большой вопрос. Конечно, каждый актер еще в студенчестве слышит, что, мол, был такой гениальный актер Михаил Чехов, что его Хлестаков в сегодняшнем спектакле не похож ни на вчерашнего, ни на завтрашнего. Мы про Михаила Чехова изучаем, мы его на сцене не видели. Но когда еще в школе начинают вдалбливать, что роль только тогда готова, когда в ней начинаешь свободно импровизировать, то молодой актер и думает, что импровизация — смысл существования на сцене. И начинает путать ее со свободным поведением. Думает, что если он на сцену выходит не деревянный, то он уже импровизирует. Если он вчера в фразе «я пошел на работу» сделал акцент на «пошел», а завтра — на слова «на работу», то это уже импровизация. Или, еще того хуже, начинает пошлить. А свободное поведение, отсутствие мышечного напряжения — это только предпосылка к импровизации, маленький шаг к ней. Да и вообще, далеко не каждый актер способен к импровизации. Способность эта зависит и от культуры самого актера.

Можно тонко сыграть, внутренне сымпровизировать роль. Может быть, зритель этого и не заметит, но актер сам знает, и специалист оценит: сегодня у него в этой сцене «другой глаз», более теплый. Или более трагический. Это гораздо более ценно, чем обязательное внешнее проявление.

— Актерская удача, актерское везение, как говорят сами актеры, идет полосой.

— Понимаю. Сам об этом думал. Сказал бы так: задумываясь над тем, что есть моя работа в театре и в кино, решал сам для себя, как отнесусь, если время пройдет и не будет у меня ролей. Болезненно отнесусь? Как к катастрофе? Не знаю.

Отсутствие ролей, даже когда я не был известен, меня не пугало. Делал литературные программы, потом решил заняться педагоги-

кой... Работа меня не обделяла, я сам ее искал и находил. Может быть, пауза даже на пользу пойдет, психовать по этому поводу не буду, это точно, найду, чем заняться. Те роли, которые в театре играю, так со мной и останутся, а в кино — изменчива фортуна.

Но самое главное вот что. Я очень хорошо помню то время, когда был никем. С какими сложностями, с каким трудом, через какие личные и творческие трагедии я прошел, прежде чем добился нынешнего положения. Я не стараюсь забывать то, через что прошел. Наоборот, часто вспоминаю. Это тоже гарантия того, что без таких ролей не свихнусь. Это дает возможность глядеть на нынешнее положение свое трезвым взглядом.

— А сегодня — какая работа на очереди?

— «Мертвые души». Снимает на «Мосфильме» Михаил Швейцер. Пять серий, для телевидения. Его собственный, и очень хороший, сценарий написан по первому тому. Хотелось бы, чтобы получилось, как у Гоголя написано, — «поэма», не интермедии на тему «Чичиков и другие». Есть и сцены его детства, как пришел он к тому, что описано.

В фильме будет еще один главный герой. Гоголь, автор. Его играет Трофимов из театра на Таганке.

— И последний вопрос. Какие качества человек обычно ценит в человеке — общеизвестно: доброту, честность, верность... А что вы, как человек больше всего ненавидите в людях?

— Непорядочность. Я сам грешен, не ангел, ангелов нет. Но какой бы человек ни был, талантлив ли он, или нет, какой бы пост ни занимал, для всех одно должно быть правило — порядочность. Сейчас столько приходится сталкиваться с ее противоположностью, что тоскуешь по самому элементарному — чтобы человек отвечал за свои слова.

